

- Мартынова Г.С., Мартынов А.И.** К вопросу о культовых центрах и святилищах в археологии Сибири / Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: Ин-т научн. информации по обществ. наукам; Ин-т археологии АН СССР, 1987. – С. 190–191.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // АО 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177–178.
- Медведев В.Е.** Раскопки на Нижнем Амуре // АО 1994 года. – М.: Наука, 1995. – С. 289–291.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 56–68.
- Медведев В.Е.** Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 4 (8). – С. 76–94.
- Медведев В.Е.** Раскопки на Амуре // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001б. – С. 270–271.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** К характеристике орнамента неолитической керамики Вознесенского поселения // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 42–57.
- Мифы народов мира.** – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – 671 с.
- Мия Хироаки.** Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий // Сутампудзё досэйхин-ни кансую дзаккан-но-мондай (Археология Хоккайдо). – 1988. – Март. – С. 75–84 (на яп. яз.).
- Народы Австралии и Океании.** – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 852 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангара. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П.** Поселение у с. Вознесенка вблизи устья р. Хунгари // АО 1966 года. – М.: Наука, 1967. – С. 175–178.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Окладников А.П.** Отчет о раскопках древнего поселения у села Вознесенского на Амуре, 1966 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1972. – Ч. 1. – С. 3–35.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала. – Новосибирск: Наука, 1974. – 166 с.
- Окладников А.П.** Керамика древнего поселения Кондон. – Новосибирск: Наука, 1984. – 124 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 218 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.
- Окладников А.П., Медведев В.Е.** Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, 1983. – № 1. – С. 93–97.
- Окладникова Е.А.** Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – 319 с.
- Петров В.** Опыт стадийного анализа “охотничьих игрищ” (к постановке вопроса) // СЭ. – 1934. – № 6. – С. 140–177.
- Пономаренко А.К.** Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. – М.: Наука, 1985. – 216 с.
- Соколова З.П.** Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
- Таксами Ч.М.** Основные проблемы этнографии и истории нивхов. – Л.: Наука, 1975. – 240 с.
- Тиваненко А.В.** Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.
- Токарев С.А.** О жертвоприношениях // Природа. – 1983. – № 10. – С. 55–65.
- Тэйлор Э.** Первобытная культура. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. – 568 с.
- Хлобыстин Л.П.** Памятники Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1975. – С. 100–110.
- Шевкомуд И.Я.** Поздний неолит нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд-во имп. Акад. наук, 1899. – Т. 2. – 314 с. + XLI табл.
- Штернберг Л.Я.** Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
- Aigner J.** Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island // Arctic Anthropology. – 1966. – Vol. 3, № 2. – P. 57–83.
- Creel H.G.** The Birth of China. – L., 1958.
- Dall W.H.** On Masks, Labrets and Certain Aboriginal Customs with the Ingliry into the Bearing of the Geographical Distribution // Third Annual Report of the Bureau of Ethnology. – Wash., 1884. – P. 73–152.
- Okladnikov A.** Ancient Art of the Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.

Материал поступил в редколлегию 11.04.05 г.

УДК 903.27

Н.Б. Ахметгалеева

УК "Курчатовский городской краеведческий музей"
 ул. Молодежная, 12, Курчатова, Курская обл., Россия
 E-mail: achmetga@mail.ru

ЗООМОРФНАЯ ПОДЕЛКА ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СО СТОЯНКИ БЫКИ-7

Стоянка Быки-7 расположена на мысообразном выступе второй (?) надпойменной террасы левобережья р. Сейм, в 3 км к югу от ее современного русла и в 2 км к югу от с. Быки Курчатовского р-на Курской обл. (рис. 1). Исследования данного памятника, ведущиеся с 2000 г., существенно расширили базу научных данных об индустриях, включающих геометрические микролиты, в центре Русской равнины [Ахметгалеева, 2004]. В отличие от известных стоянок охотников на мамонтов [Аникович, 1998], характерных для этого региона, культурные отложения в Быках-7 являются остатками сезонных стойбищ охотников на копытных животных и мелкого пушного зверя.

За 2000–2005 гг. автором вскрыта площадь в 158 м². Верхние горизонты, содержащие культурные остатки, оказались существенно поврежденными во время строительства отстойных сооружений – котлованов Пенского сахарного завода в 1980-х гг. и последующей распахки их днищ. Особо пострадали центральные участки раскопанной площади, на которых полностью уничтожены горизонты современной почвы, лессовидная супесь и верх толщ песка. Культурные слои сильно деформированы кротовинами.

Наиболее полные стратиграфические колонки получены лишь при врезке в валы котлованов за пределами жилого объекта культурного слоя I в 2004–2005 гг. и выглядят следующим образом (сверху вниз):

1. Копаная неоднородная порода, представленная темно-серым гумусированным материалом современной почвы, бурый суглинок. Включает редкие переотложенные культурные остатки. Мощность 0,22–1,52 м;

2а. Гумусовый горизонт современной почвы (чернозем). Мощность 0–0,45 м;

2. Горизонт В современной почвы коричневого цвета. В нижней части изредка встречается расщепленный кремень. Мощность 0,25–0,55 м;

3. Лессовидная тяжелая, плотная на ощупь, слоистая супесь серовато-бурого цвета, нарушенная кротовинами и корнеходами. Мощность 0,33–0,55 м;

3а. Культурный слой Ia. Супесь бурая, близкая по составу и характеру отложениям вышележащего слоя. Выделяется по включениям углисто-охристой массы, кремня и костей. На этом уровне отмечаются многочисленные конкреции. Мощность 0,02–0,08 м;

4. Коричневато-бурая супесь с карбонатным псевдомицелием, более песчаная, чем слой 3. На некоторых участках раскопа данный прослой слоится, включает линзы зеленоватого и светло-желтого мелкозернистого песка. Входит в заполнение мерзлотных трещин. Содержит редкие костные остатки и кремни. Мощность 0–0,34 м;

5. Палево-желтый мелкозернистый песок, в нижней части включает линзочки белого крупнозернистого и бурого мелкозернистого песка. Содержит многочисленные кротовины, заполненные гумусированной современной породой, карбонатным зеленовато-бурым суглинком, лессовидной бурой супесью, темно-желтым песком. К верхней толще песка приурочены отложения I культурного слоя. Мощность 0,45–0,60 м;

6. Слоистые супеси и пески бурого и темно-желтого цвета. Верхняя линза бурых супесей является подошвой II культурного слоя, выделяющегося по углисто-охристым включениям, многочисленным кремням и фрагментам расколотой кости. При горизонтальной зачистке фиксируется полигональная сетка. Мощность 0,20 м и глубже.

В культурном отношении, а также по каменному и костяному сырью существенных различий между комплексами из разных горизонтов нет. Отличия наблюдаются в степени патинирования кремня, в составе археологических коллекций и в пространственном размещении артефактов.

Даты для стоянки Быки-7 были получены Л.Д. Сулержицким по набору костей лошади и северного оленя: для верхнего горизонта I культурного слоя – $16\,000 \pm 130$ л.н. (ГИН-11755), для нижнего – $17\,000 \pm 90$ л.н. (ГИН-11753). По II слою данных пока нет.

Наиболее изучен I культурный слой. Он является в большей степени геологически преобразованным. Древняя поверхность обитания переработана и в настоящий момент на площади жилого объекта представляет собой прослой песка толщиной 5–15 см с мельчайшими линзочками и включениями бурой супеси. Содержит охристо-углистые включения, кремни и кости. Вне жилого объекта культурный слой резко прерывается. Результаты анализа археологических материалов I культурного слоя показывают, что это остатки сезонного стойбища охотников, на котором производились первичная разделка туш копытных животных и их частичная утилизация [Ахметгалеева, Бурова, 2001–2002]. Соотношение между разными функциональными типами кремневых и костяных орудий позволяет считать, что домашние промыслы были ориентированы на обеспечение жизнедеятельности первобытного коллектива во время обитания на поселении и на заготовку шкур, возможно, для использования в основном лагере. Остеологическая коллекция включает ок. 1 000 определимых костей. Судя по видовому составу и количеству костных остатков, можно сказать, что на протяжении всей истории существования поселения основными объектами охоты древних людей были заяц, песец, северный олень и лошадь. Найдены также кости птиц и разных видов грызунов. Кости мамонта, медведя и волка представлены в минимальном количестве.

За годы исследований собрано более 100 костяных предметов со следами обработки, из которых 50 – готовые изделия и их фрагменты. В основном они свидетельствуют о хозяйственной стороне жизнедеятельности древних обитателей. Среди орудий более 50 % относятся к категории острий. Из предметов неутилитарного назначения известны пронизки из трубчатых костей мелких животных, орнаментированные стержневидные изделия, фрагменты ребер с насечками или нарезками.

Из бивня мамонта выполнены только два предмета. Это совок и зооморфная поделка, которой и посвящена данная работа. Бивень как таковой в остеологической коллекции отсутствует. Большая степень выветренности костных остатков мамонта, как и их редкость, позволяют предположить использование костей, а

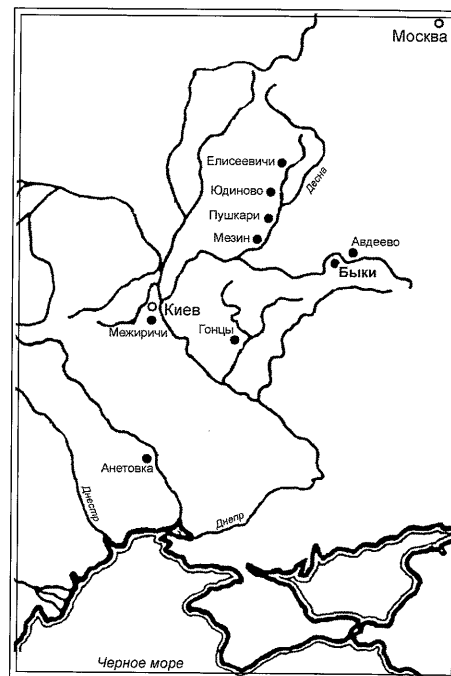

Рис. 1. Месторасположение комплекса Быки среди других верхнепалеолитических стоянок.

соответственно, и бивней с мест естественных захоронений.

Обнаружение в 2004 г. на стоянке Быки-7 первого сюжетного произведения древнейшего искусства – большого кольца из бивня мамонта со скульптурным навершием в виде головы лошади – безусловно, имеет важное значение. Его изучение позволяет глубже проникнуть в духовный мир обитателей сезонных стоянок. Уникальной является не только форма изделия, но и контекст залегания, обращающий внимание на особенности археологической стратиграфии памятника.

Археологический контекст находки

В 2004 г. было завершено вскрытие остатков жилища, относящегося к I культурному слою стоянки; они представляют собой округлую площадку с 25 ямами по периметру и двумя зольниками в центральной части (рис. 2). Главной особенностью планиграфического размещения как кремневых, так и костяных изделий на стоянке Быки-7 является их концентрация в ямах.

Поделка была обнаружена во фрагментированном состоянии. Два основных фрагмента залегали в яме 22А (рис. 2, 3) в южной части жилого объекта. Данный участок характеризуется наличием мерзлотных клиньев, деформирующих, а в некоторых случаях прорезающих искусственные ямы.

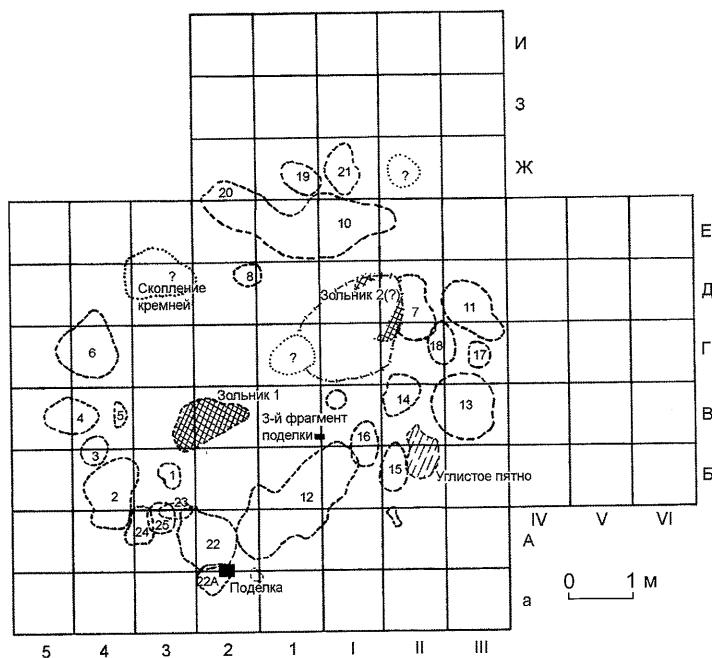

Рис. 2. Месторасположение находки в жилом объекте
I культурного слоя стоянки Быки-7 (представлена площадь,
вскрытая в 2000–2004 гг.).

Для культурных слоев Ia и II он является периферийным. Современная почва и верх супесей сняты в ходе строительных работ в 1980-х гг. Расположение этой ценной находки не совсем традиционное для стоянки, поэтому условиям и контексту залегания поделки будет уделено особое внимание.

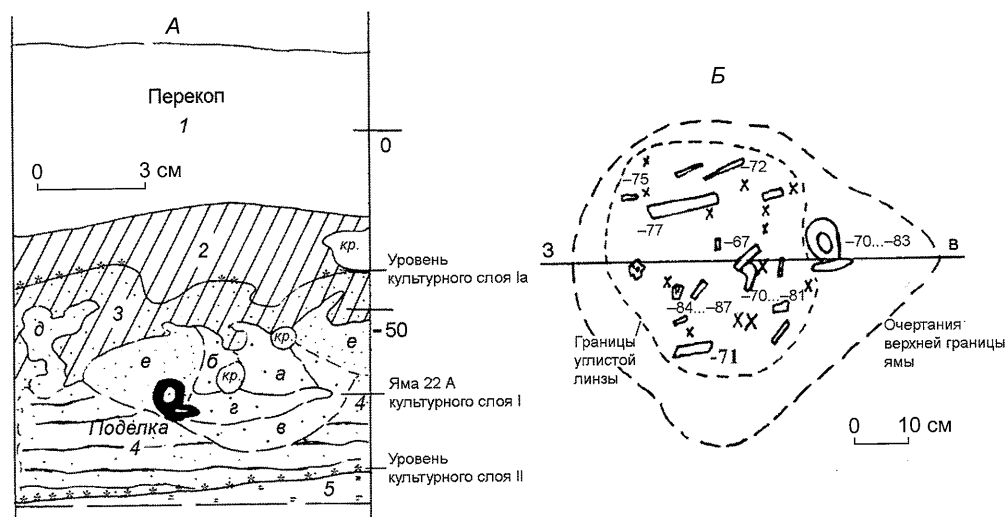

Рис. 3. Разрез бровки через яму 22А (А), план ямы 22А (Б) и фрагментация поделки (В).

1 – копаная неоднородная порода; 2 – лессовидная тяжелая супесь серовато-бурого цвета; 3 – коричневатая супесь; 4 – серо-желтый мелкозернистый песок, в нижней части включает линзочки белого крупнозернистого и бурого мелкозернистого песка; 5 – слоистые супеси и пески темно-желтого и бурого цвета; кр. – кротовина.

Прослой I культурного слоя: а – розовато-серый песок, слабо насыщенный вкраплениями охры, в меньшей степени – углистой массой; б – серовато-розовый песок, слабо насыщенный углистой массой; в – бордово-серый песок, насыщенный включениями охры и углистой массы; г – углистая масса; д – культурный слой вне ямы; е – мелкозернистый розовато-желтый песок без элементарного заполнителя.

Яма 22А неправильных округлых очертаний, ок. 60 см в диаметре (рис. 3, Б), в профиль чашеобразная, с расширяющимися кверху бортами, глубиной ок. 45 см. Предположительно объект впущен с уровня палево-желтого мелко- и среднезернистого песка (рис. 3, А). Приблизительные отметки впуска –63...–70 см. В центральной части верх заполнения ямы фиксируется на отметке –58 см. Дно находится на глубине 106 см. Выше уровня впуска северную часть ямы перекрывает коричневатая супесь, составляющая заполнение мерзлотной трещины, а южную и прилегающую к ней территорию – ок. 5–10 см мелкозернистого розовато-желтого песка, фиксируемого только на этом ограниченном участке раскопа. В верхней части восточные борта ямы 22А ограничивают западина неправильных очертаний, заполненная коричневатой супесью, происхождение которой до конца не ясно, т.к. наблюдается сочетание природных и антропогенных факторов формирования (консультация Ю.Н. Грибченко). Северная часть ямы 22А прорезает яму 22.

Заполнение рассматриваемого объекта можно подразделить на основное, антропогенное и перекрывающую его породу – мелкозернистый розовато-желтый песок (рис. 3, А, слой е). В юго-восточной части он заполняет выступ ямы с достаточно низкими глубинными отметками (–80...–83 см). Просев

показал отсутствие в данном грунте элементарного культурного заполнителя (охристо-углистых включений) и крупных песчаных зерен, выявленных при промывании песка из культурного заполнения ям. Единственными находками являются два фрагмента зооморфной поделки. Основная часть изделия располагалась вертикально вдоль стенки ямы на вершине вниз, почти касаясь песка с культурным заполнителем (отметки –70...–83 см). Второй, отслоившийся по естественному кольцевому слою бивня фрагмент лежал горизонтально на уровне центра основной части (отметка –80 см). Он отслоился от противоположной наверху стороны, что имеет огромное значение для понимания условий консервации изделия.

Таким образом, можно констатировать следующее. Перекрывающий поделку из бивня мамонта песок отличается от остального культурного заполнения ямы. Как это могло получиться? Может быть только два варианта.

1. Перекрывающий находку грунт сформировался позже в результате природных процессов. В этом случае наличие двух фрагментов одного изделия, залегающих разрозненно, объясняется перемещением их во время консервации. Не исключено и более позднее, по сравнению с основным содержимым, попадание в яму поделки. Вертикальное положение фрагмента изделия при таком варианте не может считаться преднамеренным. Иначе поделка была бы частично погружена в песок с культурным заполнителем.

2. Расслоившиеся фрагменты изделия были преднамеренно засыпаны грунтом, выкопанным на территории вне стоянки, что объясняет отсутствие элементарного культурного заполнителя. Основная часть предмета при этом должна была быть воткнута в принесенный песок. Данный вариант представляется наиболее вероятным.

В любом случае изделие оказалось фрагментированным до окончательной консервации. Нет достаточных оснований утверждать, что зооморфная поделка была оставлена людьми в специально подготовленном и оберегаемом месте.

Стратиграфическое расположение находки не позволяет уверенно связывать ее с основным содержимым ямы. Тем не менее в целях выяснения возможной взаимосвязи между поделкой и ямой необходимо охарактеризовать заполнение. В центральной части зафиксирована углистая тарелкообразная линза (рис. 3, А, Г) диаметром ок. 42 см (отметки –72...–83 см). В ней залежали обломок ребра, зуб северного оленя, зуб зайца, одно ребро копытного животного с поперечными нарезками, другое со следами скобления, фрагмент игольника, острие из обломка трубчатой кости мелкого животного, использовавшееся для прокалывания кожи, мотыга из

метаподии лошади. Кремневая коллекция состояла из трех нуклеусов, лежавших рядом друг с другом в центральной части ямы, шести отщепов (один со следами резания кожи), скрепка по коже, пластины, которой резали кожу, и трех микролитов (два со следами резания мяса и вытянутый треугольник со следами прокалывания кожи). Находки в остальной части заполнения ямы были перекрыты песком с включениями углистой массы и охры. Найдены 41 чешуйка, четыре отщепа, четыре пластины, из которых одна с ретушью, а другая использовалась при скоблении кожи и резании мяса, резец со следами резания кожи и резец, выполнявший функции скрепка-ножа по шкуре, резцовый отщеп, скол (подправка нуклеуса) со следами скобления кожи. Среди костных остатков две лопатки и тазовая кость, два позвонка мелкого животного (заяц?) и мелкие обломки.

Анализируя содержимое ямы, можно сделать вывод, что оно связано в основном с обработкой кожи. Каких-либо видимых существенных отличий, выделяющих эту яму среди других аналогичных, нет. Иначе говоря, археологическими методами доказать или опровергнуть взаимосвязь содержимого ямы и поделки из бивня мамонта невозможно.

Теперь перейдем к не менее интересному аспекту контекста этой находки. В 2002 г. в культурном слое на отметке –66 см около северного борта ямы 12 был найден фрагмент бивня мамонта (см. рис. 2). Как выяснилось позднее, это третья и самая маленькая сохранившаяся часть поделки (см. рис. 3, В). Содержимое ямы 12 разнообразно и отличается в функциональном плане от заполнения ямы 22А. Набор кремневых изделий вполне соответствует составу костных остатков и свидетельствует в основном о складировании предметов, оставшихся после первичной разделки охотничьей добычи, а также связанных с последующей обработкой костей.

Пожалуй, единственное отличие участка жилища с ямами 12 и 22А – это насыщенность перекрывающими друг друга ямами и сформировавшимся культурным слоем, что косвенно указывает на активное использование жилого объекта в последний период его существования.

Таким образом, наличие третьего отслоившегося фрагмента поделки, найденного на расстоянии ок. 3 м от основной части, подтверждает деформацию изделия до полной консервации.

Характер коллекций каждого объекта и в целом поселения, степень изношенности орудий, фрагментарность предметов неутилитарного характера позволяют предполагать, что это преднамеренно оставленные изделия, срок использования которых закончен. Расслоение зооморфной поделки, выполненной из старого бивня, вполне могло повлечь за собой ее оставление.

Рис. 4. Зооморфная поделка. Фото Е. Гири.

Тафономические особенности

При извлечении из слоя тонкого фрагмента изделия стало очевидно, что кость сильно размягчена и нуждается в срочной консервации. Второй массивный фрагмент был извлечен монолитом до полной расчистки нижней части. Своевременная консервация спасла изделие от сильного расслоения.

Была отмечена серия повреждений разного характера и происхождения. Наиболее опасными оказались не столько трещины, идущие по естественной структуре бивня, сколько протяженные трещины в наиболее толстых местах изделия, появившиеся из-за потери влаги, и микротрещины, продолжающие линии преднамеренного резания бивня.

Деформацию поверхности изделия вызвали известковые натёки. Наиболее существенно повреждена поверхность наверхия, на которой после снятия корки остались следы изъеденности (рис. 4). Важным тафономическим показателем является то, что самый маленький фрагмент изделия, обнаруженный возле ямы 12, был разорван известковым образованием максимальной толщиной в 1 см по естественной структуре. Данный фрагмент, таким образом, расслоился еще до вскрытия, а во время изымания из слоя раскрошился, и небольшая часть его была утеряна. На изделии фиксируются и отпечатки корней. В большей степени повреждена его центральная часть.

Верхняя поверхность (в данном случае имеется в виду положение предмета в слое) всех трех фрагментов полностью покрыта черным пигментом. Происхождение его следует связывать с выпавшими солями марганца. Непреднамеренность окраски изделия очевидна, т.к. при сложении трех фрагментов пигментированные поверхности не совпадают. Это также свидетельствует о консервации фрагментов в слое уже по отдельности.

Есть основания полагать, что не хватает еще одной части зооморфной поделки, связанной с участком изображения морды лошади, на котором просматривается естественная структура бивня в виде тонких линий, пересекающихся друг с другом под острым углом и создающих ромбовидный рисунок (см. рис. 4). Подобная, не заглаженная в отличие от остальных мест, поверхность наблюдается на необработанных участках, открытых в результате расслоения по естественной структуре.

Техника изготовления и основные характеристики поделки

Изделие представляет собой крупное уплощенное кольцо со скульптурным навершием в виде головы лошади (см. рис. 4). Длина поделки 12,25 см, толщина 1 см. Максимальная ширина скульптурного навершия 5,6 см. Внешний диаметр кольца 8,5 см, ширина от 1,8 до 2,1 см, размеры отверстия 4,3×4,0 см.

Материалы стоянки не позволяют оценить технику первичного расщепления бивня мамонта. Тем не менее характер первого найденного изделия (совка), вырезанного из тонкой пластины, получившейся при естественном расслоении бивня по его конусовидной структуре, позволяет выдвинуть ряд предположений. Древний мастер, использовавший старые бивни, мог знать свойства высыхающего сырья и применять комбинацию расслоения и продольного разламывания бивня мамонта.

Заготовкой для поделки могла послужить массивная пластина или продольный пластинчатый скол длиной не менее 13 см и толщиной 2 см. Судя по очертаниям конусов роста, заготовка была извлечена из достаточно толстой, но все же переходной части от центра к кончику бивня, т.к. на уплощенной поверхности изделия отразились конусы роста по типу “конус в конусе”. Поверхностный слой (цемент) не сохранился.

Следы резания и строгания, сформировавших основу изделия, полностью уничтожены последующей шлифовкой и полировкой. Следы выскабливания можно увидеть в нижней части кольца. На поверхности предмета, в основном на ребре кольца, по краю отверстия и на изображении гривы лошади, сохранились множественные царапины. Некоторые участки полностью заглажены мягким абразивом.

Наиболее яркой художественной деталью поделки является тщательно прочерченная с обеих сторон грива лошади. При ее формировании применялась целая серия технологических приемов – прорезание паза, подрезание краев его стенок углом продольного лезвия кремневого орудия, выскабливание, придающее окончательный вид. С обеих сторон гривы, ближе к основанию, нанесены тонкие поперечные линии, вы-

Рис. 5. Скульптурное навершие. Фото Е. Гири.

полненные в технике пиления. На одной поверхности их шесть, на другой ок. 16 (рис. 5), точно сосчитать невозможно ввиду присутствия множества технологических следов от пиления.

Голова лошади выполнена схематически, глаза, ноздри не прорисованы. Создание проекций недостающей детали показало, что отсутствующий фрагмент мог выступать в среднем только на 3 мм вперед, повторяя в основе форму той части изделия, от которой отслоился. Изучение художественных особенностей обеих поверхностей предмета, а точнее, степени их различий, позволяет говорить о том, что вряд ли недостающая деталь могла иметь какие-то существенные элементы оформления. Перпендикулярно к нижней части “гривы” на обеих поверхностях прорезаны по три линии, возможно ограничивающие изображение головы животного. Они сделаны несколькими режущими движениями, создающими определенную глубину рельефа. На одной из поверхностей еле различима линия, ограничивающая окружность кольца. Есть основания полагать, что некоторые нарезки не сохранились.

Отверстие вырезано (рис. 6). Судя по тому, что внутренняя поверхность кольца чуть выпуклая, можно предположить подправку с обеих сторон. С каждой из них приблизительно ок. 50 коротких надпилов на расстоянии от 1 до 4 мм друг от друга. Из-за поврежденности изделия точно сосчитать их невозможно.

Оценивая в целом изготовление данной поделки, можно отметить, что она выполнена с помощью известных по костяной индустрии стоянок Быки технологических приемов. Традиционными элементами, которые встречались и на других изделиях, можно считать короткие поперечные надпилы.

Назначение поделки

Форма зооморфной поделки и контекст находки не позволяют точно определить ее назначение. На ребре

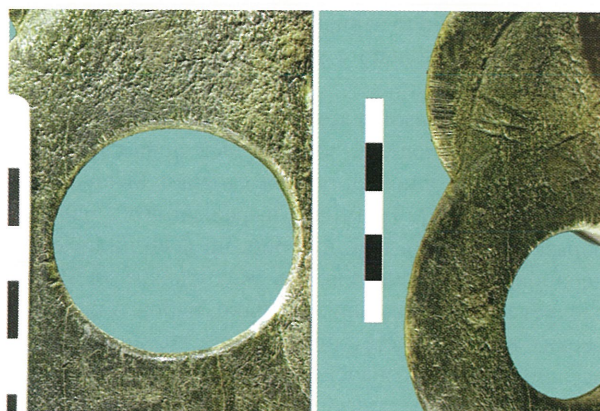

Рис. 6. Отверстие и следы заполировки на зооморфной поделке. Фото Е. Гири.

изделия (в нижней части “гривы” и на примыкающем к ней участке кольца) сохранилась полоса заполировки (см. рис. 6). Заполировка жирная, проникающая, осветляющая, создающая желтоватый оттенок на поверхности бивня, что свидетельствует о контакте предмета с кожей, в данном случае – о проведении ребром изделия по коже (телу человека?). Однако следы износа не раскрывают назначение предмета, можно лишь предположить применение его в ритуально-магических целях, т.к. расположение контактной зоны исключает его утилитарный характер.

В отличие от многих западно-европейских изображений лошади с прорисованными деталями (глазами, ноздрями и т.п.) это несколько схематично, однако высокое мастерство костореза не оставляет сомнений в преднамеренной схематизации реалистического изображения, что наталкивает на мысль о символичности образа, хотя доподлинный его смысл, по-видимому, уже утерян. Тем не менее стоит отметить некоторые факты, заставляющие задуматься.

Не всегда на палеолитических стоянках анималистические художественные образы соответствуют большой доли костей изображенных животных в остеологических коллекциях. Анализ фаунистических

материалов на стоянке Быки-7 свидетельствует о том, что древние охотники хорошо знали лошадь.

Не углубляясь в описание вариаций изображения этого животного в первобытном искусстве и их интерпретации, ограничусь двумя основными [Фролов, 1994, с. 203–205]. А. Леруа-Гуран трактовал звериные фигуры как символы пола: бизон – женского, лошадь – мужского. Б.А. Фролов обратил внимание на сроки беременности у этих животных; у самок бизонов – 10 лунных месяцев, как у женщин, а у лошадей – равен годовому обращению солнца. “Этот срок был хорошо известен палеолитическим охотникам, ибо заключал один полный цикл чередования сезонов, соответственно которым строился ритм охотничьих (мужских) промыслов общины” [Там же, с. 204].

Как возможную вариацию солярного знака можно рассматривать кольцо с ритмичными надпилами по внутреннему кругу.

Наиболее близок в технологическом плане к рассматриваемой поделке зооморфный полиэikonический амулет с однокультурной стоянки Быки-1 [Чубур, 2001, с. 85]. Трактовка выраженного в изделии образа затруднена тем, что оно, по всей видимости, неоднократно подправлялось. Как схожие элементы следует отметить выбор заготовки, набор технологических приемов формообразования, выделение гривы лошади (?), обозначение формы морды животного при отсутствии детализации.

Обращает внимание контекст зооморфного амулета со стоянки Быки-1: предмет был вонзен в пол жилища ближе к его периметру [Там же, с. 39, 85]. Данный факт вновь возвращает к вопросу: является ли преднамеренным вертикальное положение зооморфной поделки со стоянки Быки-7? Напомним, археологическими методами доказать или опровергнуть это не представляется возможным. Сходятся месторасположение зооморфных поделок в периферийной части, размещение “головой животного” вниз, единичность подобного изделия в каждом жилом объекте. Вполне возможно, что эти поделки на обеих стоянках оставлены преднамеренно. Несмотря на различия форм предметов, не исключено их сходное предназначение, связанное с ритуалами первобытных охотников.

Если учесть сезонность стоянки, то предложенная Б.А. Фроловым интерпретация образа лошади вполне реальна. Косвенным подтверждением этого могут служить данные функционально-планиграфического анализа, свидетельствующие о завершенности определенного цикла охотничьей деятельности на жилом объекте стоянки Быки-7. Хотя, конечно же, делать какие-то окончательные выводы в области первобытной мифологии нецелесообразно.

Известным российским исследователем древнего искусства З.А. Абрамовой был проведен подробный

анализ образа лошади в палеолитическом искусстве малых форм [Абрамова, 2001]. Она отметила, что он достаточно распространен. На стоянках Западной и Центральной Европы преобладают гравюры с изображением лошади. “На стоянках на Русской равнине, напротив, представлены только скульптуры: на раннем этапе (Сунгирь, бивень) и на среднем (Костенки-4, Костенки-1, мергель и Авдеево, бивень)” [Там же, с. 6].

Что касается позднего этапа верхнего палеолита Европы, то скульптурные изображения лошади, как и наверхия из бивня, известны только в мадлене Франции, а также представлены единичной находкой из Оберкасселя (Германия) – наверхием костяного стержня. На стоянках бассейна Десны, относящихся к этому периоду, сюжетные произведения искусства – явление редкое [Абрамова, 1995, с. 20].

Таким образом, крупное кольцо из бивня мамонта с наверхием в виде головы лошади можно считать уникальным и оригинальным произведением искусства малых форм поздней поры верхнего палеолита Русской равнины. А своеобразие данной зооморфной поделки со стоянки Быки-7 с необычным для данного региона микролитичным кремневым инвентарем вполне соответствует специфике этого памятника.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Особенности сюжетного искусства в палеолитических памятниках верхней Десны // Деснинские древности: Сб. материалов Межгосударственной науч. конф. “История и археология Подесенья”, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск: Брянск. гос. обл. ист.-краевед. музей, 1995. – С. 18–20.
- Абрамова З.А.** Об одном забытом открытии П.И. Борисковского // Каменный век Старого Света (к 90-летию П.И. Борисковского). – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – С. 5–7.
- Аникович М.В.** Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 35–66.
- Ахметгалеева Н.Б.** Кремневый комплекс стоянки Быки-7 // Проблемы каменного века Русской равнины. – М.: Науч. мир, 2004. – С. 285–298.
- Ахметгалеева Н.Б., Бузова Н.Д.** Особенности обработки кости и анализ остеологического материала верхнепалеолитической стоянки Быки-7 (предварительное сообщение) // STRATUMplus. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2001–2002. – № 1. – С. 538–551.
- Фролов Б.А.** Палеолитическое искусство и мифология // Художественная культура первобытного общества: Хрестоматия. – СПб.: Славия, 1994. – С. 201–206.
- Чубур А.А.** Быки: Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск: Брянск сегодня, 2001. – 132 с.

Материал поступил в редколлегию 23.05.05 г.